

УДК 821.161.1(470.12)

Т.Н. Воронина

Вологодский государственный университет

«ПАЦАН-СОЛДАТ, БЕЗДОМНИК, ТАТЬ»: СУДЬБА И ПОЭЗИЯ МИХАИЛА СОПИНА

Статья посвящена вологодскому поэту М.Н. Сопину. Приводится краткая биографическая справка. Основной упор делается на обзоре творческого наследия поэта, органически связанного с судьбой автора. В ходе анализа лирики Сопина выделяются две магистральные темы – войны и лагеря, которые реализуются в ключевых мотивах вины и памяти. Также дается характеристика лирического героя и центральных образов поэзии Сопина: души, птицы, пути, поля, Родины.

М.Н. Сопин, региональный текст, вологодская литература, военная лирика.

Имя Михаила Николаевича Сопина сегодня малоизвестно широкому читателю. Между тем это был поэт глубокий и своеобразный, чье творчество заслуживает внимания и изучения. Его судьба тесно связана с Вологодой, именно здесь он начал публиковаться и получил известность как литератор. Наследие поэта ранее не привлекало внимания ученых, его серьезное осмысление еще предстоит в будущем. В этой связи видится важным представить основные этапы биографии М.Н. Сопина и сделать краткий обзор его творчества.

Михаил Николаевич родился 12 апреля 1931 г. в селе Ломное Курской (ныне Белгородской) области в многодетной семье. Через год после рождения будущего поэта Сопины были вынуждены бежать в Харьков, чтобы не погибнуть от начавшегося в связи с коллективизацией голода. На новом месте отец, Николай Никитич, стал испытателем на Харьковском танковом заводе. В 1937 г. он был арестован, через несколько месяцев выпущен и вскоре умер от скоротечного распада легких.

В школьном возрасте Сопин пережил оккупацию (частично в Харькове, частично в Ломном, через село проходил вал Курской битвы – «Огненной дуги»). Он хорошо знал местность и не раз помогал выйти из окружения солдатам, попавшим в кольцо под Харьковом в 1941–1942 годах. Как вспоминал Сопин спустя много лет, получил два ордена «Красной звезды» из рук военнослужащих, которых выводил. Во время оккупации от брюшного тифа на руках у него умер младший брат. Подростком Сопин принимал участие в боях, с армией генерала К.С. Москаленко как сын полка дошел до Потсдама. По окончании войны жил с бабушкой в Курской области, трудился в колхозе, потом вернулся в Харьков, окончил ремесленное училище, с матерью работал на заводе токарем. С компанией подростков ушел бродяжничать, доехал до Владивостока и обратно, беспризорничал.

В 1949 г. был арестован за хранение оружия – «сувениров», оставшихся с войны. «В обвалившихся блиндажах мы, ребяташки, находили массу различного стрелкового оружия, мин, гранат, снарядов... Каждый из нас имел такую «коллекцию» стрелкового оружия, какой позавидовал бы любой современный музей», – вспоминал Сопин [7, с. 69]. Наказание отбывал на строительстве котлована Цимлянской ГЭС (Ростовская обл.). Был освобожден по амнистии через 1,5 года и сразу мобилизован в армию, зачислен в танковый десантный батальон, где служил водителем-механиком, позднее был комиссован.

Затем был вторично арестован в 1955 г. и осужден за разбой на 15 лет. Сопин писал об этом: «Очень хорошо знаю вкус наркомовского хлеба – хлеба указа 4.06.47 года» [1]. Имеется в виду указ «Об усилении борьбы с государственными и вольными хищениями», согласно которому несоизмеренно проступку карали за мелкие хищения в колхозах, также ужесточились сроки за кражу личного имущества. Эта судимость не подлежала пересмотру, в голодную пору за мелкие проступки давали по 10–25 лет заключения. В интервью Г. Щекиной Сопин так объяснял аресты того времени: «Надо было восстанавливать бывшую оккупированную территорию, откуда-то взять армию новых строителей, которые бы валили лес, долбили руду, клали кирпичи... Ужас и простота этих обстоятельств привели к людоедской политике» [2, с. 13]. Будущего поэта сослали в пермские северные лагеря («Красный Берег» и другие), последние пять лет срока он отбывал на поселении Глубинное Чердынского района (предприятие «Спецлес», Пермский край). В лагерях заочно закончил десятилетку, а также немало занимался учительством. Именно там начал всерьез писать стихи, познакомился (сначала заочно, по переписке) с будущей женой. В общей сложности он провел в заключении 17 лет. Тюрьмы и зоны отняли у Сопина здоровье, закалили волю и сформировали обостренное чувство справедливости.

После освобождения из лагеря в 1970 г. Михаил Николаевич жил в Перми. Работал сантехником, женился на журналистке Татьяне Продан. Многократно пытался публиковать свои стихи, однако по большей части безуспешно. Поэзия была его органической потребностью, и Сопин обратился к писателю В. Астафьеву и известному литературному критику В. Кожину, от обоих получил поддержку. В. Астафьев прислал письмо о стихах начинающего автора: «Во всем чувствуется поэт, то есть, человек, Богом отпавленный в мир выражать свои мысли и чувства посредством стога, а не потому, что захотел стать поэтом. Поэт – он невольник, он с рождения обречен, и тут уж ничего не поделаешь никому. Готовьтесь к трудной доле современного советского поэта. Всем самостоятельно мыслящим людям, и литераторам в частности, живется у нас нелегко. Желаю Вам удачи» [8].

По совету В. Кожина в 1983 г. Сопин переехал в Вологду, сначала один. Устроился слесарем на мебельную фабрику «Прогресс», получил рабочее общежитие. Познакомился с сотрудником Общества охраны памятников истории и культуры молодым поэтом М.Н. Карачевым (ему посвящено стихотворение «Ослепший лебедь», которое потом вошло в поэму «Агония триумфа»). Через год Сопин перевез в Вологду семью. Его творчество было замечено местной писательской организацией, появились первые публикации в газетах «Красный Север», «Вологодский комсомолец». В 1985 г. к празднованию 40-летия со Дня Победы выходит первый сборник поэта «Предвестный свет» в архангельском «Северо-Западном книжном издательстве». Его редактора Е.Ш. Галимову автор всю жизнь вспоминал с благодарностью. С этого момента Сопин начинает активно печататься. Выходят сборники стихов: «Судьбы моей поле» (1991), «Смещение» (1991), «Девяносто третий год» (1994), «Обугленные веком» (1995), «Молитвы времени разлома» (2000), «Свобода – тягостная ноша» (2002). Сопин также публиковался в коллективных сборниках «Гордость и горечь» (1990), «У северных широт» (1987), «Антология «Русского Глобуса» (Чикаго, 2009), в журналах «Наш современник», «Новый мир», «Москва», «Юность», «Север», «Подъем», «Лад» и др. Опубликован в альманахе «Академия поэзии» (2005), в поэтическом сборнике «Шрамы на сердце» (2010), посвященном 65-летию Победы, в учебном и научно-популярном издании «Земля Белгородская в годы Великой Отечественной войны 1941–1945» (2011). В Вологде работал грузчиком Вологодского филиала Северо-Западного книжного издательства, слесарем-сантехником, так как писательский труд заработка не давал. Т. Сопина, жена писателя, вспоминала: «Гонорары за сборники стихов получал трижды: первый мы проели, на второй купили сыну виолончель, в третий раз деньги пропали “благодаря” гайдаровской реформе» [5, с. 10].

В 1990 г. при странных обстоятельствах погиб в армии старший сын писателя Глеб, художественно одаренный автор «русских комиксов». Стихотворение «В семье единой» отец посвятил памяти сына.

В 1991 г. (в 60 лет) Сопин был принят в Союз писателей СССР, который почти сразу раскололся на два крыла, поэт стал членом Союза писателей России.

В начале 1990-х была создана газета «Русский Север», в 1993 туда пришел работать журналист и фотограф А. Колосов. В течение 2 лет он регулярно публиковал стихи Сопина как поэтическое обрамление к фотографиям, все вместе имело остросоциальное и полемическое звучание. В те годы государство практически перестало поддерживать издательства, многие из которых прекратили свое существование, многократно упали тиражи книг и журналов. Писатели не просто лишились гонораров, а были вынуждены сами искать средства на публикацию своих произведений. Так, сборник «Обугленные веком» вышел при поддержке вологодского Совета самоуправления (так называлась городская Дума) и администрации города, а «Молитвы времени разлома» напечатан на средства автора тиражом 100 экземпляров.

В последние годы жизни (с 2003 г.) Сопин активно публиковался на поэтических интернет-сайтах, особенно на литературном портале «Стихи.ру», таким образом получил доступ к самой широкой аудитории и возможность получать отклики от читателей. Умер поэт 11 мая 2004 г., похоронен в Вологде на новом Козицынском кладбище.

Еще в 1992 г. режиссер А. Сидельников снял документальный фильм о русских талантах-самородках «Вологодский романс», среди его героев можно увидеть и М.Н. Сопина. В 2006 г. в Чикаго вышла совместная книга Михаила и Татьяны Сопиных «Пока живешь, душа, люби!..». К 80-летию поэта в 2011 г. на основе этого сборника в Вологде издана книга «Спелый дождь (поэтическая биография)», наиболее полно отражающая творчество Сопина. В ней стихи поэта перемежаются очерками-комментариями его супруги Т. Сопиной, в которых разъясняются разные этапы жизни поэта. В 2014 г. Вологодским отделением Союза Российских писателей проведен Международный литературный конкурс памяти поэта Михаила Николаевича Сопина «Мы все на земле не случайны». Некоторые стихи поэта положены на музыку композитором М. Гоголиным.

Всю жизнь Сопин испытывал дефицит читательского и критического внимания, активно публиковаться стал только на рубеже 1980–1990-х, когда стране было не до поэзии и современных авторов вытеснил поток «возвращенной» литературы. Только в последние годы жизни, благодаря интернету, он получил возможность полноценного творческого общения и ощутил свою востребованность. И сегодня Сопин остается поэтом недооцененным. Его творчество неровно, но в стихах этого автора есть глубина мысли, подлинность переживания, точность образа. Природный талант и трагическая биография сделали его поэтом, которому было что сказать. Лирика Сопина исповедальна, сам он всегда подчеркивал, что пишет о себе. Стихи были для него возможностью пережить то, что выпало на его долю, это его форма памяти, осмысления, примирения с временем и собой, форма удержания себя в границах жизни. Сопин говорил: «Писать – это значит загонять себя в самый собой созданный туннель. Что позади – не устраивает, что впереди – неизвестно» [2, с. 22]. Вектор развития своего творчества определял так: «обретение голоса, исповедь, проповедь» [6, с. 48].

Его стихи органически вырастают из биографии, во многом определившей круг тем и угол зрения. Рожденный накануне самой кровавой в истории человечества войны, он ребенком принял на свои плечи все ее тяготы, которые может вынести не каждый взрослый. Затем 17 лет лагерей, ломавших и кореживших личность, не говоря о физическом уничтожении. Сопин вспоминал: «Я пил пацаном спирт. Видел смерть обрубков людей. Наверно, понимал солдатиков, потому и жизнь врага, и нашу жизнь видел с изнанки. И тех, и других бросили в военную мясорубку, чтоб она задохнулась. Я ничего не выискивал, просто был повергнут, мордой в это ткнут, потому что изначально был приговорен к тому, кому хуже. К пристреливаемой лошади, к перееханной собаке... По телевизору всегда болею за тех, кто проиграл. Такая природа» [2, с. 8]. Не менее тяжелое испытание – жизнь после лагеря, когда человек уже отвык от «нормального» бытия, это тоже ломало многих. Сопин – голос тех, кто не должен был выжить. Он, по выражению В. Шаламова, поэт «минус-опыта», того, что человек видеть и знать не должен. К слову, общность лагерной судьбы и даже внешнее сходство Шаламова и Сопина отмечали те, кто лично знал последнего. Сквозные темы творчества Сопина – военная (особенно) и лагерная (в меньшей степени), они объединены внутренней необходимостью обрести собственный голос, исповедаться в сокровенном, а также общностью мотивно-образной структуры.

По стихам Сопина можно прочесть его военную биографию, в них много конкретики места, времени, обстоятельств его страшного детства¹.

Мне шел одиннадцатый год.
И не моя вина,
Что не дошел он – что его
Обогнала война...
(«Мне шел одиннадцатый год...» [5, с. 156])

Автор называет места своего детства, где проходили жестокие бои: Головчанские леса, Хотмыжск, деревню Тополя и др. То, что ему пришлось увидеть и пережить на Украине в 1941–1943 годах, относится к разряду невыразимого и преследует до конца дней. Чудо – то, что он выжил и не сошел с ума. Сопин запечатлел в стихах, как бежали под бомбежкой из-под Харькова от немецких танков («Плюшевый медведик», «Не виноват, что нет тебя, мое родное захолустье...»); как во время бегства был ранен осколком («Лунно. Полночь. Луга...»); как бои шли под окнами бабушкиного дома («Пехота»); как, прекрасно зная местность, выводил из окружения бойцов Красной армии («Для кого и зачем из сегодня...», «Что случилось, молодость, с тобою?...»):

Для кого и зачем
Из сегодня,
Спотыкаясь
О память и явь,
Я бегу под горящую Готню
По разбитым

Осенним полям?
Через смерть,
Через сжавшийся ужас...
(«Для кого и зачем из сегодня...» [5, с. 158])

Есть в стихах и затяжные дожди 1941 г. («Дождь сорок первого года», «Корова», «Дым над осенью...» и др.), и то, как немцы стояли в его родной деревне («Боль безъязыкой не была...»), и битва на Курской дуге («Август», «Когда первый мороз...», «Ванюха»). Поэт вновь и вновь мыслями обращается к войне, переплавляет в поэтические строки трагическую историю тех лет, взывает то к себе-мальчишке, то к погибшим:

Брат погибший, прости.
Друг живущий, прости.
Так непросто мне
Светлую песню нести!
(«Брат погибший, прости...» 1985 [4, с. 7])

В военной лирике Сопина отчетливо звучит тема убитого войной детства. «В детстве я много прополз по скверне войны», – вспоминал поэт [2, с. 8], а в стихах декларировал:

...Я остался маленьким
Где-то на войне.
(«Только вспыхнет где-то...» [3, с. 29])

Сходное чувство выражено в стихотворении «Ударю в ладони – и вздрогну...». Лирический субъект идентифицирует себя со временем, местом, с теми, кто погиб. Его война телесна, визуализирована в скупых, но красноречивых деталях:

Я – зыбкость сугробов,
Накат раскаленной волны.
Я – детская обувь
На мертвых дорогах войны.
(«Я – зыбкость сугробов...» [5, с. 129])

Мотивы неотступных вины и памяти, ответственности живых перед павшими соединяются с ощущением лирического субъекта, что он «застрял» между двумя мирами – живых и павших:

Полвека снятся сны о битвах
Степных, метельных, дождевых...
Что я живой
Среди убитых
И неживой –
Среди живых.
(«Солдатам России» [5, с. 164])

Именно это состояние «между» живыми и мертвыми дает право и возможность соединить два времени – настоящее и прошлое. Сопин говорил: «Но любовь моя осталась там – в сорок первом. Солдаты сорок первого года, восходящие на алтарь грядущей Победы – они во мне. <...> Я смотрю их глазами, вижу, как они смотрят» [2, с. 11]. Очевидно, что поэт особенно часто обращается к событиям 1941 года.

¹ Подробнее об этом – в статье Т. Сопиной «Фальсификация» [7].

Жизнь идет, а лирический субъект словно заново рождается в том времени, разговаривает с мертвецами – солдатами, сверстниками, воскрешает прежде всего не события, а ощущения: удушья, ужаса, боли, ослепления, близости смерти (например, «Август», «Дым над осенью...» и др.). Стихи Сопина рассказывают о Великой Отечественной гораздо больше, чем могут поведать историки: они позволяют увидеть ее изнутри, прочувствовать и содрогнуться. Война у поэта показана вплотную свежим взглядом юности, на который накладывается осмысленное видение человека, ее пережившего, что придает стихам объем, достоверность и проникновенность. Это дневник войны, который автор вел всю жизнь. Поэзия Сопина – не столько летопись войны или лагеря, сколько исповедь о том, что происходит с человеком, с его душой. В стихотворении «1941» это выражено как тревожное предчувствие:

Я жив еще
И до конца не знаю,
Как это все
Пройдет через меня
[5, с. 38]

«Лагерная» тема у Сопина связана с мотивами памяти и предательства, окрашена пониманием невозможности отречения от прошлого, сопряжена с идеей о фатальности для народа разрушения связи поколений:

Страшась отцовского клейма,
Пойдут сыны без биографий.
(«И мысль горит, и жизнь течет...» [5, с. 45])

В стихах, связанных с этой тематикой, представлено ощущение человека, насильственно вычеркнутого из жизни:

Я был
Не по своей вине
Живой мишенью
Мертвых пашен:
Четыре года – на войне,
Полвека –
Без вести пропавшим.
(«Я был не по своей вине...» [5, с. 46])

В лирике Сопина присутствуют чувства обреченности на злую участь («Над белой бездной бытия...») и абсурда существования (пребывания в перевернутом мире – «Цепь – свобода...»). Лирический субъект говорит от имени тех, кого не было для официальной истории, от имени «обугленного братства» («Услышь своих, Россия, неотпетых...»). Он ощущает внутреннее родство со всеми заключенными, а себя – носителем памяти о тех, чью жизнь изломала зона («Трасса» и др.). Вместе с тем в «лагерные» стихи вложен гуманистический пафос: сочувствие всем униженным, «милость к падшим». Обе темы – заключение и война – объединены

образом автора, позиционирующего себя как: «Пацан-солдат, / Бездомник, / Тать» («Корабль» [5, с. 60], аналогично – в «Я – зыбкость сугробов»).

Эмоциональное состояние лирического субъекта всегда на рубеже жизни и смерти (он все время как бы фиксирует: жив ли?), над бездной, на болевой грани. Это поэзия колоссального внутреннего напряжения чувств, оголенного нерва, страдания и преодоления. Закономерно, что ключевыми в лирике Сопина являются понятия «душа» и «сердце» как ее вместительница. Душа поэта обожжена («Я тебе не писал...», «И будет дождь...» и др.), она может сгореть и полететь метеоритом («И будет дождь...»), обуглиться, исчезнуть, и в то же время она ассоциируется с огнем нетленным – свечой («Свечи. Свечи. Свечи в ряд...»). Сердце – фугас, готовый взорваться в любой момент («У стенок, в воронках...»). Мотив изломанности, травмы является магистральным. Душа изранена («Есть в душе моей такая рана, / Что когда-то полыхнет огнем» [5, с. 6]), предстает то в образе калеки («Вой волчьих чувел...»), то метафорически изображается как треснувший резервуар:

Разве кто-то поймет,
Что капают жизни остатки,
В вечность капают тихо
Из треснувшей чьей-то души?
Вытекают пейзажи,
Мосты, переулки, соборы.
(«И великий живет, как и мы...» [5, с. 8])

Душа может рваться и роптать («Все прозрачнее верб купола...»). Состояние надорванности претворяется в звуках: душа кричит («Над страной пустых колоколен...»), надрывается («Перед тем, как душой надорвусь...»), ей беспокойно и одиноко («Отшумела веселая роща...», «Чем дальше, тем выше...»). Ее состояние передает диапазон ощущений лирического субъекта: стыло, тягостно, больно, грустно. Соответственно, и его голос – это плач, хрип («Лось»), вой, вопль («Вой волчьих чувел...») или крик («Подрывались. Пропадали. Стыли...»). Это звук говорящей боли, страдания («Боль безъязыкой не была...») и вместе с тем способ изжить, хотя бы временно, высказать свои муки. Душа – обнаженное «я» лирического субъекта, воплощенное в образе искаленной души-птицы («Со слепыми зрачками, с обрубками крыл...»), ослепленного лебедя, выкинутого из запоевника-приюта («Ослепший лебедь»).

Неотъемлемым свойством души является способность помнить. У Сопина родство души и памяти сопрягается в образе птицы:

Память крыльями в проруби бьет
И не может за край уцепиться.
(«Все, что было моим, не мое...» [5, с. 6])

С одной стороны, память мучительна и тяжела («Снега и синицы!..»). Она ассоциируется с замкнутым кругом («Бушует снег, шумит хвоя...»). С другой

– память соотносится с воронкой: широкий поток воспоминаний укрошается сердцем поэта и преобразуется в родник:

Ты не поток,
Уходящий в меня
Безвозвратно, –
Входишь,
Навек превращаясь
В горячий родник.
(«Дни мои давние...» [5, с. 22])

С памятью можно разговаривать, увещевать («Огневая страна»). И в то же время, при всей тяжести бремени воспоминаний, они парадоксальным образом делают автора счастливым:

Какое счастье
В этой жизни –
Память!
(«Как трудно уходить...» [5, с. 43])

Душа метафорически выражается в виде двойника судьбы, их изломанность взаимосвязана. Доля лирического субъекта – злая, искалеченная, она предстает то в образе вьюги («Октябрь. Воскресный день»), то – бесприданницы («Я не знаю судьбы бесприданнее...»), то – раскинутого над головой черного парашюта («Снега и синицы!..»). Он осознает свою судьбу как горе, беду:

По глазам – тяжелый дым
Стылого застолья.
Для потерь и для беды
Полное раздолье.
(«Все иду, как маленький...» [5, с. 13])

Подобное понимание судьбы восходит древнерусской традиции и фольклору (вспомним женские лирические песни, «Повесть о Горе-Злочастии»).

Для лирики Сопина характерен мотив преодоления (прежде всего судьбы), он связан с пространственным образом поля, которое нужно перейти (переплыть, перелететь). Это можно трактовать как перифраз известного выражения «Жизнь прожить – не поле перейти». Но здесь имеет место и глубоко личный смысл, связанный с военными воспоминаниями, когда будущий поэт выводил из окружения солдат, а перейти поле буквально означало выжить. В стихах мотив необходимости этого преодоления преобразуется в поле как метафору жизни: перешел – значит пережил. Поле у Сопина окрашено в самые пронзительные тона: оно лунное («Лунным полем, темным бродом...»), цвета крови – красное-красное («Со слепыми зрачками...»), исполненное зла, ядовитое – аспидное («Над страной пустых колоколен...»), льдистое («Лунно. Просветленно...»), пылающее («Ходи-ки»), детское («Не тобой я единственно болен...»), и его обязательно нужно преодолеть.

Красной линией через все творчество Сопина проходят разговоры с Родиной, она – постоянный со-

беседник лирического субъекта. Обращение к ней может походить на стон («У стенок, в воронках...»), «Услышь своих, Россия, неотпетых...»), просьбу («Лунно. Просветленно...»), «Перед тем, как душой надорвусь...»), дружескую беседу («На холме – три тополя...»). Это разговор от лица своего поколения, прежде всего тех, кто навсегда остался на войне или в лагере, и одновременно от себя лично, возможность задать вопросы, на которые часто нет ответа.

Поздняя лирика поэта связана с ценностным кризисом 1990-х годов, в ней нарастают публицистическое и проповедническое начала, категоричность интонации, поэзия наполняется пафосом социального обличения и апокалиптическими настроениями. Стихи этого периода вошли в сборники с красноречивыми названиями «Обугленные веком», «Молитвы времени разлома», «Свобода – тягостная ноша».

Для стихов Сопина характерны эмоциональная распахнутость тона, «рваная» строка, разрыв фразы, неровный ритм, который соотносится с ритмом сердца, обилие парцелляций. Такая структура позволяет сделать акцент на слове, сосредоточиться на его фактуре – звучании, порождающем оттенки смысла. Поэт активно использует оксюморонные сочетания («грустная удача», «слепозряче» и т.п.), стремится к афористичности слога, форсированной выразительности.

Лирика Михаила Николаевича Сопина подкупает точностью слова и образа, страстностью интонации, исповедальностью и установкой на мучительный поиск правды. Его творчество по мотивно-образной структуре и ритмике созвучно поэтам фронтового поколения (С. Гудзенко, А. Межирову, Ю. Друниной), а в лагерной теме соотносится со стихами А. Жигулина. Двадцать лет своей жизни Сопин провел в Вологде, здесь писал стихи и публиковался, здесь обрел последний покой. Наследие поэта нуждается в систематизации, представляет собой богатый материал для изучения и еще ждет своего исследователя.

Литература

1. Михаил Сопин / Стихи.ру : интернет-портал. – URL: <https://stihi.ru/avtor/sopin> (дата обращения: 10.03.2021). – Текст : электронный.
2. Сопин, М. Речь о реке : литературная запись Галины Шекиной / М. Сопин, Г. Шекина. – Вологда : Свеча, 2005. – 34 с.
3. Сопин, М. Н. Мальчишка-воин : стихи / М. Н. Сопин. – Вологда : Свеча, 2010. – 75 с.
4. Сопин, М. Н. Сомкнутые звенья (осень 1985 года) : стихи / М. Н. Сопин. – Вологда : Свеча, 2005. – 31 с.
5. Сопин, М. Н. Спелый дождь : поэтическая биография / М. Н. Сопин ; составитель, автор комментариев Т. П. Сопина. – Вологда : Полиграф-книга, 2011. – 272 с.
6. Сопина, Т. Вызов судьбе : стихи М. Сопина / Т. Сопина. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/vyzov/text.pdf> (дата обращения: 10.03.2021). – Текст : электронный.
7. Сопина, Т. Фальсификация / Т. Сопина // Сопин М. Н. Мальчишка-воин : стихи. – Вологда : Свеча, 2010. – С. 64–71.
8. Черепанова, Т. Михаил Сопин – поэт войны, чьи стихи были изданы в Чикаго / Т. Черепанова. – Пермь : Аргументы и факты. – 2011. – № 34. – 10 августа. – URL: <https://perm.aif.ru/society/details/121209> (дата обращения: 10.03.2021). – Текст : электронный.

T.N. Voronina

**«A SOLDIER-YOUNGSTER, HOMELESS, THIEF»:
THE DESTINY AND POETRY OF MICHAEL SOPIN**

The paper is devoted to the Vologdian poet M.Sopin. A brief biographical background is provided. The artistic heritage closely connected with the poet's destiny is under review. While interpreting Sopin's lyrics one can observe two major topics of his poetry – war and labour camps – which are realized in the key motives of guilt and memory. The author of the article also provides the description of the lyric hero and the central images of Sopin's poetry: soul, bird, path, field, Motherland.

M. Sopin, regional text, Vologda literature, war lyrics.